

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ

Галльская война Цезаря

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Оливия Кулидж

Галльская война Цезаря

«Центрполиграф»

Кулидж О.

Галльская война Цезаря / О. Кулидж — «Центрполиграф»,

Эта книга посвящена одному из самых важных периодов в истории Рима – противостоянию многочисленных галльских племен успешным попыткам Рима установить единый закон на их территории. Восемь лет почти непрерывных военных действий под началом гениального Цезаря прошли в противоборстве с враждебно настроенными варварами, славившимися отвагой, бесстрашием и хитростью.

Содержание

Введение	5
Пролог	7
Часть первая. Освободитель	12
Триумвират. 58–57 годы до н. э.	12
Кризис в Галлии. 58 год до н. э.	19
Легионы Цезаря	27
Галлы и германцы	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Оливия Кулидж

Галльская война Цезаря

Введение

«Заметки о Галльской войне» Цезаря – одна из самых интересных книг по истории среди тех, которые оставили нам римляне. Не часто бывает, чтобы военачальник с такой великой славой обладал даром писателя. Рассказ из первых уст, написанный удивительно простым и ясным языком, представляет собой правдивое изображение Галльской войны, хотя и сделанное с точки зрения римского воина. Читая Цезаря, мы узнаем то, что знал он: чем на самом деле была Галльская война.

К сожалению, так сложилось, что книга Цезаря заставила скучать детей больше, чем любая другая книга в западном мире. Вряд ли Цезарь виноват в этом: он вообще писал ее не для детей. Он писал ее не для тех, кто только начинает овладевать латынью, и не для таких людей, которые не могут отличить одно галльское племя от другого.

Времена изменились. Нравы тоже меняются с течением времени. Нам, сегодняшним читателям Цезаря, не может не бросаться в глаза то, что он подошел к своей задаче – написать об этой войне – не так, как предпочли бы мы. Мы в наше время газет привыкли к репортажам, ожидаем увидеть повесть. Мы хотим знать о простых солдатах, какими они были и что чувствовали. Нам нравятся описания людей, мест, оружия, одежды. Мы требуем фотографий – если не в прямом смысле этого слова, то по крайней мере в виде ярких словесных картин. А римляне, которым приходилось получать новости из слухов или писем, хотели фактов.

Цезарь дал им именно это. Он действительно так густо начинил свои «Комментарии» фактами, что для нас, незнакомых с общим фоном, на котором они происходили, порой может быть трудно их усвоить.

Цезарь относится к своим персонажам скорее как к вспомогательным средствам, чем как к людям: они появляются в его повествовании лишь тогда, когда делают что-то, о чем нужно упомянуть. Галл Дивициак, например, был личным другом Цезаря. В первый год войны без Дивициака Цезарь не мог сделать ничего. Потом Цезарь вдруг перестает говорить о нем. Племя Дивициака возглавляют другие люди, и совершенно ясно, что Дивициак умер. Но Цезарь, который строго придерживается своей темы, не говорит об этом.

Так люди появляются в книге Цезаря и исчезают из нее с поражающей читателя внезапностью. Имена военачальников Цезаря возникают в повествовании и снова исчезают. Он никогда никаким образом не описывает своих воинов и не комментирует их поступки. Цезарь прекрасно осознает, что он – военачальник, командующий армией, и, хотя описывает много героических поступков, делает это сдержанно: упоминать кого-то одного слишком часто – значит быть пристрастным. Он также считает невозможным для себя вообще говорить о ком-либо, кто по званию ниже центуриона: если бы он это сделал, то, несомненно, нанес бы обиду тем, чья должность была выше.

Подобный лаконизм повествования в результате оказывается как сильной, так и слабой стороной книги Цезаря. Именно поэтому она часто не нравится людям в наше время: только когда мы объединяем ее со всем, что знаем из других источников о галлах, о политической обстановке в Риме, об отдельных римлянах, обучении римской армии и о бесчисленном множестве других исторических фактов, мы начинаем понимать, какой богатый дар оставил нам Цезарь. Поэтому цель этой новой книги о Галльской войне – не только изложить то, что сказал Цезарь, а добавить к его рассказу многое, что осталось за рамками его повествования. А это вряд ли можно сделать, не включив в текст немного вымысла.

Большинство персонажей – реально существовавшие люди. Некоторые, например старик Кабур, достаточно правдоподобны, но вымышлены. Беседы и сцены также являются вымыслом, который делает персонажей ярче или дает информацию.

Рассказчик Октавий – нечетко очерченный персонаж, от имени которого даны описания. Если бы он был показан ярче, его приключения могли бы стать важнее, чем исторические факты. Молодой офицер с небольшим литературным талантом, он очень типичен. Как поклонник Цезаря, Октавий может нарисовать перед нами картину подобную тем, что даны в книге Цезаря. Галл, несомненно, показал бы нам другую сторону, но это война Цезаря.

Я использовала современные французские, а не римские названия тех городов, которые существуют до сих пор. Французские названия короче и привычнее, кроме того, их можно найти в любом хорошем атласе. Перед первой частью дан список этих названий и их римских эквивалентов. Немногие из городов более известны под своими римскими именами или, наоборот, так мало известны сегодня, что мне показалось лучше называть их так, как называл сам Цезарь. Примеры таких названий – Герговия и Алезия.

Таким образом, эта книга представляет собой смесь фактов и вымысла, современное изображение той войны, о которой писал Цезарь, ограниченное суммой наших знаний, но созданное с привлечением ресурсов археологии и исследований античного мира. Это не перевод книги Цезаря, а что-то вроде ее дополнения, которое поможет тем, кто захочет прочесть книгу Цезаря с интересом, а не скучая.

Пролог

Книга Квинта Октавия

Я был одним из офицеров Цезаря и как муж его племянницы был хорошо с ним знаком и некоторое время находился при его штабе. Тем, что я пишу о его войне в Галлии, я не пытаюсь соперничать с его собственным рассказом о ней, а хочу в какой-то степени дополнить этот рассказ иллюстрациями так, как Цезарь однажды посоветовал мне. В том году, когда он жил вместе с нами на зимних квартирах, он время от времени проводил с нами вечер за общей беседой. Однажды мы говорили о том, как у нас пишут историю, и Цезарь заметил, что наше великое время может стать для людей будущего таким же трудно различимым, как для нас времена Ромула и Рема. Мы знаем рассказ о том, как был основан наш великий город, но лицо, телосложение и рост Ромула давно забыты. Не может ли случиться, что боевой порядок наших легионов, одежда и манеры длинноволосых галлов со временем сотрутся из памяти людей? Цезарь думал, что так будет, и действительно – большинство людей, видевших Верцингеторикса в дни его славы, уже умерли; мои ровесники навоевались досыта и теперь совсем не говорят о наших великих днях; даже длинноволосые галлы переняли римские манеры и стали богатыми. Цезарь предположил, что, для того чтобы сохранить наше время для будущего, потребуется описать многое такое, что мы знаем и считаем само собой разумеющимся. Его собственная, написанная с большим мастерством книга о Галльской войне, конечно, была задумана не так. Она – создание великого военачальника и командующего армией, который поставил себе задачу четко и ясно изложить факты. Но хотя Цезарь пожелал сам ограничиться только этим, он умел мимоходом высказывать мысли, которые развивали другие люди. Он интересовался теми, кто был моложе его и знал, что многие из нас разнообразили скучную жизнь на зимних квартирах тем, что сочиняли эпические поэмы или драмы. Может быть, ему надоедало слышать, как мы их читаем, потому что, правду говоря, все эти произведения были почти одинаковы. Но все же он на короткое время сумел заинтересовать нас описанием подробностей.

Возможно, он хотел только этого, но в моем случае получилось так, что я тогда поворачивался спиной к стихам и лицом к прозе. Месяц или два я просто горел желанием написать рассказ очевидца обо всей войне. Но оказалось, что самые тяжелые годы войны были еще впереди. Позже я был занят, и зимой так же сильно, как летом, и поэтому мало что делал для того, чтобы написать свой рассказ, разве что расспрашивал людей, с которыми был знаком.

Я мог бы забыть о своем намерении. Судьба распорядилась так, что во время осады Укселлодинума – последней осады в ту войну – я получил удар копьем, едва не оборвавший мою жизнь. В определенном смысле этих слов он действительно оборвал ее: моя военная служба закончилась, и большие гражданские войны, которые начались сразу после этой, шли без меня. Все, кто был моими друзьями в Галлии, во время этих войн погибли в сражениях или были убиты во время той резни побежденных, которая сопровождала гражданскими войнам. Я выжил лишь потому, что был больным, никому не известным калекой.

Здоровье подорвано, продвижению по службе настал конец, цель жизни полностью потеряна – так прожил я эти тридцать лет. Я стал всего лишь утомительным и скучным человеком, даже рассказы которого о прошлой войне почти все устарели, кроме двух или трех. Я не забыл о предложении Цезаря, но каким-то образом оказалось, что его собственный, мастерски написанный рассказ – это в точности то, что хотел сказать я. Может быть, я никогда бы не взялся за свой труд, если бы не встретился неожиданно с простым солдатом, которого когда-то знал. Его звали Вар.

Я сразу же узнал его. Вар лишился двух пальцев на той руке, которой держал меч. Нос у него был сломан, а через одну щеку сверху вниз шел шрам, из-за которого на ней образовались

складки. Вар хромал, и шлем протер ему лысину на голове. Но он по-прежнему насвистывал сквозь зубы старую песню, которую мы когда-то слышали в Галлии.

– Да это Вар! – произнес я.

Он посмотрел на меня, склонив голову набок, как делал раньше, но не узнал.

– Я служил у Цезаря в Испании, Африке и Греции, – заговорил он, – был с Авлом Гиртием, когда его убили возле Мутины. А их, – он протянул вперед руку без двух пальцев, – потерял, сражаясь вместе с Октавианом против молодого Секста Помпея. После этого уже не мог держать меч как надо, вот и начал свое дело – у меня постоянный двор и почтовые лошади. Здесь много проезжает тех, кого я знаю. Нельзя ли хоть немного подсказать...

– Это было гораздо раньше всего того, о чем ты вспоминал, – сказал я. – В Галлии.

– Давно оно было. – Он снова бросил на меня косой взгляд снизу вверх, отчаянно стараясь припомнить, кто я такой. – Чудесным временем были эти дни в Галлии, самые прекрасные. Давно это было.

Я знал, что ужасно изменился, и то, что я не называю себя, нечестно.

– Помнишь Октавия? – спросил я. – Молодого военного трибуна, который собирался описать наши походы в книге?

Он вспомнил сразу же и, заливаясь смехом, потрепал по холке ближайшую из моих лошадей. Вар никогда не верил мне, когда я говорил о книге, думал, что я шутил, и, похоже, не смущался того, что считал это забавным.

– Я так и не написал ее, – сказал я. – Все было так запутано. Мы не видели всю войну целиком.

К моему удивлению, он ответил серьезно.

– Сам-то я не умею читать, – сказал он. – Никогда не учился. Но мой сын умеет и читает мне то, что написал Цезарь. Теперь мне ясно, что мы все тогда делали.

С наивностью невежды он хотел дать мне совет прочитать книгу Цезаря, явно думая, что я мог ничего не слышать о ней. Но от его слов в моем уме внезапно ожило старое честолюбивое желание написать книгу нового рода, опираясь на ту идеальную ясность, с которой Цезарь описал ход войны. Я когда-то пытался написать о том, что Цезарь был вынужден оставить за пределами своих записок. Но я должен был включить в свою работу и то, о чем он написал. В результате могло получиться пусть не такое сочинение, которое я желал написать тогда, но в нем были бы описаны лучшие годы моей жизни.

– Я не написал эту книгу, но теперь напишу, – сказал я Вару.

Географические названия и римские соответствия в тексте

Алезия – Алезия

Амьен – Самаробрива
Безансон – Везонтио
Бибракт – Бибракс
Булонь – Ициум
Бурж – Аварикум
река Гаронна – Гарумна
Женева – Генава
Герговия – Герговия
Лангр – Земля лингонов
река Луара – Лигер
Марсель – Массилия
река Мёза – Моса
Нарбонна – Нарбо
Невер – Невиодунум
Орлеан – Генабум
Париж – Лютеция
Пуатье – Лемонум
река Рейн – Ренус
река Рона – Роданус
река Самбра – Сабис
река Сона – Арар
река Сена – Секвана
Санс – Агединкум
Укселлодинум – Укселлодинум
Вьенна – Виенна

Часть первая. Освободитель 58 год до н. э.

Триумвират. 58–57 годы до н. э.

Я начну свою книгу с триумvirата, потому что нашу Галльскую войну породил именно этот союз между тремя правителями – Помпеем, Цезарем и Крассом. Желание добиться власти в Риме побудило честолюбивого Цезаря ухватиться за случай, который представился ему в Галлии. Его блестящая победа там нарушила хрупкое равновесие, которое три правителя поддерживали между своими партиями. Так война в Галлии привела к другим войнам. Она вызвала катастрофу, погубившую Красса, когда тот попытался, соперничая с Цезарем, укрепить свою власть на Востоке. Из троих остались двое, и единственным выходом стала гражданская война. Помпей и Цезарь не могли делить друг с другом свой мир. А если бы они и пожелали это сделать, на раздел ни за что бы не согласились их сторонники. Может быть, будет честно сказать, что оба не хотели этого, поскольку понимали лучше кого-либо другого, что такое война.

Но ход событий был таким мощным, что оказался сильнее и нежелания правителей, и уз, которыми они соединили себя, чтобы держаться вместе. Галльская война – одно из этих событий, порожденное отношениями внутри триумvirата и повлиявшее на них. Иначе говоря, она является частью истории Рима настолько же, насколько – частью истории Галлии. Я начну свое описание событий с Рима, с года консульства Цезаря, когда мне самому исполнилось двадцать лет. Мой отец в первый раз взял меня с собой в Рим, и я увидел триумvirов.

Первым правителем был Помпей. В свои сорок четыре года он был по-прежнему красив и имел великолепные пышные волосы, которые рано поседели. На его лице было мало морщин, но оно постепенно приобретало какую-то грузность – как и все его тело. Помпей привык к тому, что его называют Великим. По его манерам, хотя они часто были достаточно приятными, было видно: он принимает почтение к себе как нечто само собой разумеющееся. В возрасте чуть старше двадцати лет он уже был выдающимся военачальником. Ему еще не было сорока, когда Сенат и римский народ доверили ему приведение в порядок своих дел на Востоке. Он командовал могучей армией, выигрывал сражения, возводил и сбрасывал с трона восточных царей, изменял границы их стран, торжественно появляясь перед половиной известного нам мира как абсолютный владыка. Когда Помпей выполнил поручение Сената, ничто не могло понизить его в положении до рядового гражданина. Он ведет себя слишком высокомерно? Что ж, стоит ему только появиться на Востоке, и там его будут приветствовать почти как бога. Римские солдаты, которых он воспитал и обучил, считали его своим вождем. Их можно было расформировать, передать под командование другого человека, и все же они оставались солдатами Помпея. Неудивительно, что он держался с преувеличенным достоинством, медленно говорил, медленно двигался и всегда оставлял за собой последнее слово. Шутники, которые смеялись над его манерами, не осмеливались делать это открыто. Видные члены Сената были с ним очень вежливы. Они завидовали Помпею, но боялись вызвать его гнев. Если бы Помпей дал себе труд провозгласить себя диктатором, ни у кого не было бы сил помешать ему.

Но вот что странно – Помпей не ухватился за уже принадлежащую ему власть. Его друзья говорили, что он слишком благороден для этого, враги – что он ленив. Помпей хотел быть первым гражданином Рима, его величайшим полководцем, тем, кому доверены все важнейшие практические дела. Но не хотел брать все это – он желал, чтобы это ему дали. К несчастью, вожди Сената, хотя и были благодарны Помпею за его терпение, занимались в основном тем, что подрезали ему крылья. Совершенно против воли Помпея они втянули его в союз с Крассом и Цезарем.

Красс был вторым правителем. Он был старше Помпея и Цезаря – Крассу было около пятидесяти пяти лет, когда я его видел. Это был коренастый, склонный к полноте человек с суровым лицом, волевым подбородком, ртом, похожим на капкан, и пронзительными маленькими черными глазами. Владелец многомиллионного состояния, Красс контролировал деятельность всех крупных откупщиков Рима и участвовал в огромном количестве разных торговых дел. Его подход к политике был откровенно финансовым. В то беспокойное время, на

которое пришлась моя юность, каждый политик набирал себе в народе столько голосов, сколько мог, путем какого-то вида подкупа или предлагая радикальный закон, устраивая для народа представления за свой счет или, как Помпей, выступая в роли покровителя, особенно для бывших солдат. Красс выбрал самый грубый вид коррупции: он покупал голоса и давал взятки тем сенаторам, которые играли в Сенате видную роль. Так Красс приобрел не только огромную власть, но и вызвал огромную ненависть к себе. Нашим сенаторам запрещено заниматься торговлей, поэтому финансовые дела Красс формально отдал на откуп своим подчиненным, хотя фактически вел сам. Однако его интересы привели к прямому столкновению с консерваторами, которые жили за счет того, что производилось в их больших поместьях, и тех доходов, которые получали политическим путем в провинциях, где были наместниками. Однако Красс с его миллионами вряд ли был представителем настоящего торгового сословия и не имел популярности даже у той нищей толпы, которая брала его деньги. Поэтому Красс, который никогда не страдал от нехватки хитрости, стал оглядываться вокруг себя в поисках умелого политика, который бы нуждался в деньгах и был легко управляемым. Найдя такого, Красс мог бы направлять его действия, а сам оставаться в тени. К тому времени, о котором я рассказываю, Красс уже много лет думал, что нашел такого политика в лице Юлия Цезаря.

Третий правитель – Цезарь. Он был всего на два года моложе Помпея и не сделал ничего особо выдающегося. Он был хорошо известен как ловкий политик, и предполагали, что это он стоял за всеми радикальными движениями своего времени. Но его официальный послужной список далеко не блестящ. Цезарь прошел обычный ряд низших государственных должностей, что было неизбежно для человека его происхождения. Он управлял одной из областей Испании и успешно подавил сопротивление нескольких повстанческих отрядов, которые мешали Риму. Как каждый честолюбивый человек, мечтавший о успехах в политике, он потратил свое собственное состояние, которое было невелико, борясь за победу на различных выборах. Как все, он уехал в свою провинцию бедным, а вернулся богатым. Других людей, сыгравших в такую игру, потом преследовали проклятия тех, кем они управляли, и обвинения в коррупции, время от времени приводившие к громким судебным процессам. Но когда Цезарь вернулся из Испании со своими незаконными доходами, о нем действительно тосковали в бывшей провинции, он оставался там популярным. Его собратья по Сенату, изумленные этим, говорили друг другу, что Цезарь слишком умен и потому ему нельзя доверять. Они и без этого ненавидели его, потому что Цезарь, единственный из ближайшего окружения, был против них. В семью Цезаря уже давно проникли радикальные взгляды.

Более чем за пятьдесят лет до моих дней Гай Марий, безродный и неученый человек, поймал упавшее с высоты орлиное гнездо, в котором было семь птенцов. Прорицатель, к которому он обратился, сообщил ему поразительную весть: судьба предназначила Марию семь раз быть римским консулом. Со временем Марий благодаря своему военному дарованию действительно был возведен в консулы шесть раз для защиты Италии от ужасных полчищ переселявшихся варваров. Затем Мария, как и Помпея, уже невозможно было вернуть в положение частного лица. К тому же Марий по природе был груб и вспыльчив. Его исключительное положение в государстве вскружило ему голову. Раньше ничего подобного не бывало в нашей республике, где никто не мог надеяться стать консулом семь раз и не было такого случая, чтобы был выбран в консулы человек, чей отец не занимал хотя бы маленькую должность. Дело дошло до гражданской войны, в ходе которой Сулла, соперник Мария, изгнал его из Рима, гнался за ним с собаками по болотам и преследовал Марию, жалкого беглеца, пока не загнал на дальние окраины страны. В конце концов война на Востоке отвлекла внимание Суллы, и Марий вернулся. В то время, о котором я пишу, еще были живы немногие из тех, кто помнил это его седьмое консульство. Марий был стар, и перенесенные великие страдания совершенно помutilи его разум. Краснолицый, пьяный, он, шатаясь, ходил по улицам Рима в сопровождении охранника и поводил из стороны в сторону налитыми кровью глазами, оглядывая толпу напу-

ганных людей, которые не осмеливались оставаться дома, чтобы их отсутствие не было замечено. Очень часто он указывал на кого-то и кричал: «Вон тот – предатель! Руби его!» Истекающая кровью жертва оставалась лежать на улице, а Марий шел своей шаткой походкой дальше – искать новую. Огромное счастье, что после нескольких недель своего ужасного консульства Марий умер.

Люди помнят то, что желают помнить. Месть Суллы сторонникам Мария была более упорядоченной и гораздо более растянутой по времени. У отцов Рима вызывала раздражение диктаторская власть Суллы, и они с подозрением относились к Помпею, который начал свой путь как заместитель Суллы. Но Сулла и Помпей были аристократами и оставались в узких рамках тех традиций, которых придерживаются наши консерваторы. Диктатура Суллы, хотя и ощущалась как тяжелый груз, не вызвала ненависти. Но никто не простил ужасного умирающего Мария.

В свои лучшие дни Марий был великим человеком, в некоторых отношениях реформатором, вокруг которого объединялись те, кто чувствовал наступление нового времени. Семья Цезаря занимала первое место среди этих людей. Марий даже скрепил свою близость с ней женитьбой на тетке Цезаря. Вследствие этого положение самого Цезаря при диктатуре Суллы было непрочным. Правду говоря, удивительно, что молодой Цезарь вообще остался тогда жив. Возможно, он уцелел благодаря своему обаянию, которое всегда было большим, а возможно – благодаря своему уму. Цезарь отошел от политических дел и стремился стать законодателем мод. Остроумный, образованный, прекрасно одетый, поддерживающий знакомства со всеми. Когда он ставил себе цель понравиться кому-то, несомненно, в своем умении превосходил все ожидания. Цезарь всегда был большим мастером любовных походов, но с характерной для него находчивостью умело избегал явных скандалов. Когда вожди консерваторов наконец увидели, что Цезарь честолюбив, критически настроен по отношению к республике и очень умен, они отреагировали очень бурно. Поведение Цезаря всегда вызывало много слухов. Теперь его считали вдохновителем всех интриг против знати. Возможно, так оно и было. Он, несомненно, был несколько лет подручным Красса.

Такой была политическая обстановка в Риме времен моей юности, вызвавшая к жизни неудачный из-за своей разнородности союз трех – героя-консерватора, финансового магната и умного радикала. Идея союза принадлежала Цезарю. Он указал остальным, что каждый из них желает чего-то, что они могут получить, если объединятся. Он, Цезарь, хотел быть консулом. Он достиг в своей карьере такой ступени, на которой следующим большим шагом было консульство. Но этому сильно воспротивились консерваторы, и он не мог быть избран без поддержки партий, находившихся под контролем Помпея и Красса. Став консулом, он получал власть представлять на рассмотрение законы, которые были необходимы Помпею и Крассу с их сторонниками. Хотя в последнем случае все было не так просто, поскольку в нашей конституции есть много преград для власти консула. Например, десять трибунов имеют право вето, а среди десяти трибунов обязательно найдутся несколько сочувствующих консерваторам. Кроме того, надо брать в расчет и второго консула. Однако и Помпей, и Красс желали иметь кого-нибудь, кто позволил бы им ввести определенные законы. Предложение Цезаря было для них самой лучшей возможностью, и они приняли его.

Помпей хотел ввести денежную награду для ветеранов. Со времен Мария у военачальников вошло в обычай, набирая солдат перед важными военными кампаниями, обещать новобранцам, что они получают награду деньгами, когда кончится срок их службы. Этим они привлекали неимущих младших сыновей и безземельных крестьян, которые составляли костяк нашей армии. Однако, когда деятельность Помпея на Востоке закончилась и он должен был выполнить свои обещания, консервативная партия отказалась их признать: так консерваторы уменьшали влияние Помпея на его солдат. В результате они вовлекли полководца-консерватора в союз с Цезарем.

Финансовое объединение Красса обеспечивало деньгами контракт по сбору налогов в провинции Азия и теряло большие деньги, поскольку плохие урожаи и различные другие неприятности так истощили эту часть мира, что надежды на получение налогов не было совершенно никакой. Красс хотел, чтобы контракт был пересмотрен, но Сенат, который был в восторге от того, что Красс оказался в трудном положении, не хотел это делать.

Союз был заключен и скреплен женитьбой Помпея на единственной дочери Цезаря. К большому удивлению всех, этот чисто политический брак оказался счастливым. Юлия полностью унаследовала обаяние своего отца, и Помпей, который раньше уже был женат и вырастил нескольких сыновей, был ею очарован. Она была более чем на двадцать лет моложе Помпея и не могла помнить то время, когда он не был самым великим из живущих людей. Его нескрываемая любовь льстила Юлии, и она покорялась Помпею так, что на это было приятно смотреть. Вообще все, что делала Юлия, было удивительно мило. Я видел ее один раз, когда она вместе с Помпеем пришла в гости к Цезарю, и тут же в нее влюбился. Никогда ни один человек не был таким без стеснения веселым, как маленькая Юлия.

Когда я приехал в Рим, Цезарь был консулом, и консервативная партия так бешено ненавидела его, что удивительно, как никто не вонзил ему кинжал в спину. Но дело было в том, что консерваторы предпочли подождать, чтобы устроить суд над Цезарем, когда закончится срок его полномочий: пока он был консулом, они не могли законным образом тронуть его. В дальнейшем Цезарь устроил себе назначение проконсулом Галлии на ближайшие пять лет, что также давало ему неприкосновенность. Консерваторы мрачно готовились прождать еще пять лет, а потом уничтожить Цезаря, что бы он ни делал. Союз может возникнуть, может и распасться. Консерваторы, прочно окопавшиеся в Сенате, где они всегда господствовали и продолжали господствовать теперь, готовы были пережить любые союзы.

Их ожесточение против Цезаря было вызвано не одной лишь ненавистью к трем правителям: Помпей и Красс были непопулярны не больше, чем до этого. Именно Цезарь взял на себя тяжелую задачу провести через Народное собрание ряд законов, несмотря на то что вожди Сената сделали все возможное, чтобы его остановить.

Первое, что они попытались пустить в ход, было трибунское вето, так как некоторые из трибунов принадлежали к их партии. Только очень сильный человек мог переступить через вето и нашу конституцию одновременно. Цезарь сделал это и вызвал в Сенате больше негодования, чем если бы пошел на убийство. Второй линией обороны сенаторов был другой консул, крайний консерватор. В Риме всегда выбирают двух консулов для того, чтобы каждый из них мог стать препятствием для другого. Цезарь не стал обращать внимания и на вето своего коллеги. Кто-то остроумный придумал шутку, что консулами в том году были Юлий и Цезарь. Вожди Сената кусали себе локти от ярости, но могли сделать лишь одно – настаивать на том, что все законодательные предложения Цезаря были совершенно неправомерны. Простых людей, значительная часть которых и так получала плату от Помпея или Красса, Цезарь дерзко подкупал деньгами и лестью. В те дни никто не был очень благочестивым. Возможно, что бедствия, которые обрушились на нас позже, были следствием этого.

Таким было положение Цезаря в конце консульства, когда я пришел к нему со своим отцом просить должность в его армии в нашей провинции Галлия. Я говорю «в нашей провинции», потому что, хотя мы все и догадывались, что будут бои, никто из нас не помышлял о завоевании свободной Галлии. Я не уверен, что даже Цезарь думал об этом в то время, когда я впервые увидел его. Хотя, по правде говоря, если дело касалось Цезаря, который теперь стал богом, никогда ничего нельзя было знать наверняка.

Цезарь был высокого для римлянина роста – примерно пять футов девять дюймов. Его гибкая и тонкая фигура выглядела почти хрупкой. Однако в его движениях было много изящества: Цезарь не зря был знаменитым наездником. Как покажет мой дальнейший рассказ, в чрезвычайных обстоятельствах он заставлял свое тело выдерживать такие нагрузки, которые

можно вынести только при большой решимости и силе. Ему было сорок три года, но на расстоянии он казался моложе из-за прямой осанки и решительности в движениях. Лицо Цезаря исправляло эту неточность. Во-первых, его темные волосы уже быстро редели. Во-вторых, его худое лицо, в складках и с орлиным профилем, совершенно не могло принадлежать мальчику или молодому мужчине: это было бы неестественно. Тому, кто видел Цезаря, когда он не следил за собой, могла прийти в голову мысль о том, что Цезарь так и родился старым. Увидев моего отца, который был его другом в дни учебы, Цезарь улыбнулся. Его улыбка уже давно имела славу самой чарующей в Риме. С этого момента он стал моим повелителем и остается им до сих пор.

– Октавий-младший и Октавий-старший! – воскликнул он. – Как твой мальчик похож на того юношу, которого я помню!

Цезарь не мог сказать ничего приятнее для моего отца, но отец пришел на эту беседу очень напряженным, и даже после этих слов его напряжение не ослабло.

– Все тот же Цезарь: всегда попадает точно в сердце, – сказал он с улыбкой, которая была немного неестественной.

Цезарь покачал головой, но не было похоже, чтобы он обиделся.

– Ты думаешь, друг, что это ловкий прием, но это не так. Я говорю то, что чувствую.

Отец ничего на это не ответил, а вывел вперед меня:

– Ты когда-то поддразнивал меня, говоря, что во мне слишком много от ученика и недостаточно честолюбия. Этот мальчик исправляет старую ошибку: он хочет сделать карьеру.

– Он уже в моем штабе. Это его удовлетворит? – ответил Цезарь.

Так бывало очень часто, он ухватил суть дела, прежде чем его закончили излагать, и предложил мне гораздо больше, чем я ожидал. Я был бы счастлив стать и младшим военным трибуном в его армии. Быть в штабе Цезаря! Я попытался было поблагодарить его, но он движением руки велел мне замолчать:

– Это еще слишком маленькая услуга для копии моего старого друга, который когда-то разговаривал со мной, пока луна не начинала бледнеть, но уже двадцать лет как не виделся со мной, а, Луций?

Он хотел, чтобы отец ответил, и пока ждал ответа, вокруг стояла тишина. Вскоре отец произнес:

– Я почувствовал, что не понимал тебя.

Цезарь взглянул ему прямо в глаза:

– Из-за чего у тебя сложилось это впечатление, Луций?

Это был вызов, потому что среди существовавших рассказов о Цезаре было много таких, которые заставляли моего отца, несветского человека и философа, качать головой.

В разговоре снова наступил перерыв: отец искал достойный ответ, который можно было открыто дать хитрому политику, уже перессорившему всех в Риме. Наконец он ответил:

– Вскоре после того, как мы расстались, ты в открытом море попал к пиратам, так ведь? И они тебя держали в плену, чтобы получить выкуп.

Цезарь кивнул:

– Да, я прожил с ними несколько месяцев, пока мои доверенные собирали сумму, которую я с трудом мог себе позволить. Эти пираты были неплохими ребятами.

– Они очень полюбили тебя, – заговорил отец. – Ты шутил с ними, говорил о том, что, когда освободишься, соберешь войска и уничтожишь их. Это звучало очень забавно. Но когда они выпустили тебя, ты как раз это и сделал – с людьми, которые любили тебя!

– Они взяли выкуп: дело оставалось делом, – заметил Цезарь. – Так же и для меня – дело есть дело. Они были угрозой для достойных мирных торговцев, и море стало лучше без них.

– Это верно, – согласился отец. – Но зачем тебе нужно было брать их смерть на себя, раз ты был так хорошо знаком с ними?

Цезарь пожал плечами:

– Я хладнокровный человек. Я действительно прожил с ними много месяцев как друг. Я считаю возможным любить любого человека, пока не обращаю внимания на его пороки. Но я видел в них много бесчеловечного и предупреждал, что они не годятся для жизни. А они смеялись надо мной, потому что, как и ты, не понимали, как мне при этом моем убеждении может нравиться их общество. И раз они ни разу не изменили своим злодейским привычкам из-за своей симпатии ко мне, почему моя симпатия к ним должна была повлиять на их наказание? Я не вижу причины для этого.

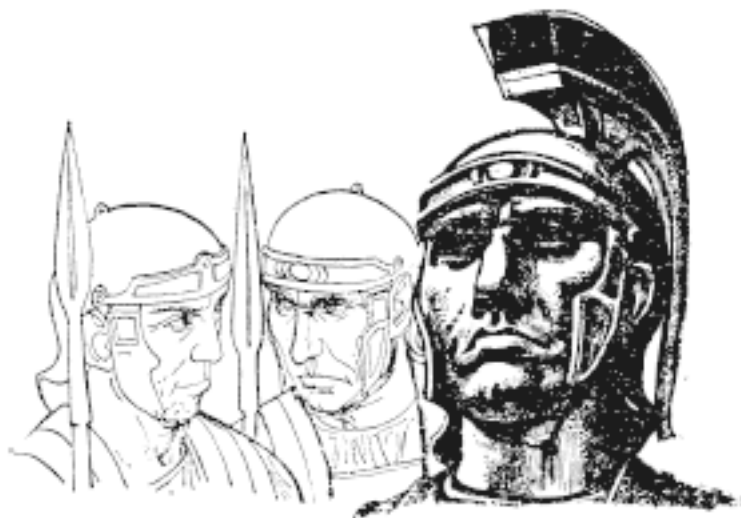
Мой отец улыбнулся.

– Я тоже не вижу, – согласился он с обезоруживающей честностью. – И все-таки я боюсь тебя так, что моя кровь холодеет от страха.

– У меня самого такая холодная кровь, – спокойно ответил Цезарь. – Я признаю это. И все же, мой старый друг, я действительно люблю большинство людей.

Тут Цезарь подмигнул нам обоим так, что перед этим невозможно было устоять, и мой отец рассмеялся.

Кризис в Галлии. 58 год до н. э.

В день, когда консульство Цезаря закончилось, он выехал из Рима. Согласно нашему обычаю, проконсул, то есть наместник, управляющий провинцией, может осуществлять свою власть только вне Рима. Он не может вступить в должность, пока не выедет из нашего города, а въехав в Рим, автоматически слагает с себя полномочия. Таким образом, задержавшись в Риме после окончания срока консульства, Цезарь оказывался частным гражданином. Выехав из Рима, он становился проконсулом и по-прежнему был защищен от преследования за незаконные действия во время своего консульства. Естественно, он выехал сразу же, но уехал недалеко. Поступили зловещие новости из его провинции Дальняя Галлия, куда в то время входило южное побережье этой страны. На границе этой провинции и свободной Галлии, у Женевского озера, жило племя под названием гельветы. Они уже давно жаловались на давление германцев с северо-востока и на перенаселение, так как их собственная страна, окруженная горами, очень мала. Теперь гельветы готовились переселиться на новое место со своими женами, детьми, скотом и повозками. Они уже жгли деревни во всех своих кантонах и собирали народ. Перед ними лежала Галлия – разделенная на части беспокойная страна неуравновешенных людей – легкая добыча. Перед ними лежала также римская провинция на южном побережье – богатая, без правителя, слабо защищенная. В Ближней Галлии – североиталийской провинции Цезаря – стояли лагерем три легиона из его будущей армии и вряд ли могли перейти через Альпы раньше конца весны. Гельветам противостоял всего один легион, и тот без командира, поскольку Цезарь задержался в окрестностях Рима. Но Цезарь не решался ехать дальше.

Дело было в том, что оппозиция набирала силу. Помпей и Красс не могли контролировать Сенат. Большинство государственных должностей находились в руках консерваторов, поскольку в то время новые семьи в политике были большой редкостью. Триумвиры вели дела так, как им хотелось, пользуясь консульской должностью Цезаря, но, когда он покинул Рим, для Помпея и Красса стало трудно продолжать начатое. Положение обострялось тем, что у отцов республики был гениальный руководитель – Марк Цицерон.

Поскольку Цицерон погиб от рук преемников Цезаря, теперь принято вообще не говорить о нем, а читать его бессмертные работы тайком и без свидетелей. Я же лично не настолько берегу свою жизнь, чтобы следовать таким обычаям. Я даже признаюсь, что говорю о Цицероне, имевшем к нашей войне лишь косвенное отношение, потому что любил его – этого энергичного, быстро двигавшегося маленького человека, который то взлетал в облака великопной мечты, то погружался в глубины отчаяния. Над Цицероном можно было смеяться из-за его

наивного самомнения, которое иногда заставляло его вести себя настолько по-детски, что в это трудно было поверить. Но каждый раз, когда повод был серьезным, он гремел в своих речах как гром – так, как должен говорить великий человек и патриот. Даже умение Цезаря завоевывать сердца не могло заставить Цицерона прекратить вражду. Цицерон верил в республику – не в ту, разорванную на части партиями, коррумпированную, даже порочную, которая существовала в действительности, а в идеальную республику, которая могла бы существовать, будь все ее политики такими, как он сам. То, что Цезарь, переступал через закон, Цицерон ощущал как кощунственное осквернение этой священной идеальной республики. У этих двоих было много общего: оба были гении, патриоты, остроумные люди. Цезарь чувствовал это, и, будь он жив, Цицерон не был бы убит. Но в то время, о котором я рассказываю, один из двоих должен был разгромить другого. Цезарь оказался сильнее.

Он устроил так, что один из трибунов предложил проект постановления о наказании каждого, кто когда-либо приговорил к смерти римского гражданина без суда. Цицерон выносил такие приговоры во время военного положения, когда был консулом в дни тяжелого кризиса, чтобы спасти страну от заговорщиков. Никто не считал всерьез, что он делал что-то не так, но этот закон использовали против него. Как уже вошло в обычай, вето остальных трибунов не было принято во внимание. Дело было в руках народа, а он по-прежнему был под контролем у партии трех правителей.

Главной неприятностью для Цезаря было то, что заупрямился Помпей. То, как Цезарь своей волей, по-хозяйски проталкивал законы через органы власти, пугало традиционно мыслящего Помпея. А свое собственное положение во время консульства Цезаря он считал недостойным себя: ему оставалось только стоять и смотреть, как Цезарь отхватывает себе назначение в оказавшиеся под угрозой галльские провинции! Нельзя сказать, чтобы Помпей ожидал, что Цезарь завоюет себе славу в Галлии: у Цезаря не было опыта в военных делах, кроме боев с испанскими повстанцами, которые вряд ли можно было считать войной. Но если бы Цезарь случайно завоевал себе сколько-нибудь славы, у Помпея это вызвало бы ревнивую зависть.

Помпей пока еще не завидовал Цезарю и к тому же любил Юлию. Но наступление на Цицерона ему не нравилось.

И Помпей, по сути дела, дал Цицерону слово, что защитит его. Загнанный Цезарем в угол, он был вынужден согласиться, что, если разгневанный Сенат отменит недавно принятые законы, его собственный закон о денежных наградах ветеранам исчезнет вместе со всеми остальными, а если самого влиятельного человека в Сенате накажут для примера, другие перестанут быть такими храбрыми. Помпей был вынужден уступить, поскольку рассуждение Цезаря было логичным. Но достоинство Помпея, на которое он так много поставил, сильно пострадало из-за положения, в котором он оказался. Лучшее, что Помпей мог сделать, – это уединиться на одной из загородных усадеб и сделать вид, будто удалился от общественных дел. Так он получил очень слабый предлог не мешать ходу событий. Его сторонники, тайно получив соответствующие указания, проголосовали вместе со сторонниками Цезаря, и Цицерон бежал в изгнание. Цезарь одержал полную победу.

Но на победу Цезарь потратил десять недель драгоценного времени, и это могло обернуться для него разгромом в Галлии. Пока мы сидели у границы Рима, почти каждый день приходили письма людей, которые желали, умоляли, требовали, чтобы он был в Галлии. Варвары собирались у Женевского озера, и их толпа становилась все больше. Сил провинции было недостаточно, чтобы сдерживать их натиск. Я не читал этих писем: Цезарь держал это в секрете. Но я видел, как приезжали гонцы, а некоторые из них от отчаяния были в бешенстве и не сдерживали себя. Мы все стояли и стояли возле Рима, считали дни и были в отчаянии: Цезарь, казалось, с головой ушел в интриги, которые нас мало интересовали. Мы считали, что он бесечно отодвигал от себя подальше трудности Галлии.

Мы ошибались. В тот самый момент, когда Цицерон бежал из Рима, Цезарь тоже отъезжал от города. Однако уезжали они по-разному. Цицерон двигался на юг медленно, постоянно оглядываясь назад в надежде на письмо с просьбой вернуться. Его верные прислужники теряли разум от страха: они ожидали другого – что их догонит отряд воинов, которым будет поручено совершить казнь. Но Цицерон не хотел торопиться. А Цезарь тем временем мчался на север, обгоняя свой обоз, который скоро остался далеко позади, и догнал нас лишь через несколько недель. Никто из воинов еще не привык тогда к особенностям передвижения Цезаря по дорогам. Нам не приходило в голову, что мы можем проезжать девяносто миль в день, даже учившая, что лошадей меняли. Правду говоря, Цезарь ехал в повозке, а большинство из нас с трудом поспевали за ним на конях, однако его преимущество было не так уж велико. Он был слабо защищен от дождей той сырой весны кожаными занавесками, которые задегивались со всех сторон, скользя по опоре-кругу в форме бруса. Но они легко раздвигались при сильном порыве ветра или когда повозка без рессор наклонялась набок, попав в недавно возникшую рытвину. Еще Цезарь имел возможность пристегнуться ремнем к сиденью, чтобы не упасть, если сумеет задремать в этих неудобных условиях. С другой стороны, скоро Цезарю пришлось тратить свои силы тогда, когда от нас этого не требовалось. На третий день после отъезда от Рима мы пересекли границу и оказались в Лукке.

Между Римской Италией и Итальяской Галлией нет никакой видимой границы, кроме реки Арно. Однако я обоснованно говорю «пересекли границу», потому что уже меньше через милю после Арно становится видна разница. Ближняя Галлия уже больше полутора столетий наша. Она вся усеяна поселениями римских солдат-ветеранов. Римские торговцы прошли здесь по всем большим дорогам и поселились повсюду. Даже коренные жители далеко не все галлы: среди них много этрусков, лигуров и людей из других итальянских народов, завоеванных галлами. Триста пятьдесят лет назад мощная волна галльских племен перелилась через Альпы и устремилась вниз, где Рим в конце концов остановил ее и запер в северной части Италии. Здесь галлы коротко острижены, бриты, чаще всего одеты по-римски и говорят на латыни. Но между ними и итальянцами все же есть разница.

Во-первых, сами люди другие. Когда узнаешь галлов ближе, то замечаешь, что они не все высокие, голубоглазые и рыжие. Однако до этого у всех складывается впечатление, что они именно такие, потому что подобный светловолосый тип внешности встречается часто, и след его присутствует во внешности других галлов, у которых волосы на самом деле русые. Их русый цвет волос светлее, чем наш русый, и часто имеет рыжеватый оттенок. Он сочетается с серым или светло-карым цветом глаз вместо наших темно-карего или черного. Кожа у здешних жителей светлее. Как я уже говорил, одеваются они по-римски; но иногда можно увидеть крестьянина, который пашет в рубахе и просторных штанах, или сидящего на солнце старика с длинными, седыми висячими усами и волосами, в беспорядке падающими на спину. Такие немолодые люди вовсе не всегда говорят на латыни, а крестьяне до сих пор говорят на ней плохо. Дома на латыни говорят только горожане.

Любовь местных жителей к ярким краскам заметна во всем. Сейчас только бедняки носят галльские плащи, при этом плащ обычно бывает выцветшим и грязным. Кричащей пестроты красок, как в наряде богатого галльского вождя из Длинноволосой Галлии, совершенно не увидишь по нашу сторону Альп. Но все же эти плащи, хотя цвета их и тусклые, ярче, чем наши итальянские коричневые. Заколки-броши, которыми их застегивают, богато украшены оригинальными узорами из спиралей и извилистых линий. Самые изящные отделаны еще и красной эмалью.

Каковы люди, таковы и дома. Хижины бедняков такие же, какими были всегда, а дома крестьян типично галльские – с большой главной комнатой, узким проходом вдоль одной из стен и таким расположением помещений, что комнаты связаны между собой и из них можно

пройти в надворные постройки не выходя на улицу. Крыши этих домов острые и не похожи на наши.

Другая перемена заключалась в том, что, как только мы оказались в Лукке, изменилось положение Цезаря. В Италии он был проконсулом, находившимся в пути по государственному делу. В Галлии же он был губернатором, а это означало встречающие делегации на каждой почтовой станции, торжественные приглашения провести здесь ночь, импровизированные празднества, прошения, очереди людей, желающих выразить свое почтение губернатору. В гениальные деловые способности Цезаря входило умение оборвать разговор, не обижая собеседника, и быстро принять решение. Никогда эти способности не были ему нужны больше, чем сейчас; и все же, хотя твердая решимость помогала ему двигаться вперед, не уменьшая скорости, даже он никак не мог выкроить достаточно времени для ночного сна. Я все еще помню эти празднества, от которых невозможно было отказаться, но они тянулись бесконечно долго. По утрам Цезарь горбился, сидя в своем кресле. Иногда, если мы хорошо проводили время ночью, потом он приказывал тем, кто его сопровождал, остановиться в пустынном месте, где можно было отдохнуть час под деревом. Это случалось редко, потому что подножия Апеннинских гор именно здесь, где они готовятся слиться с Альпами, подходят к самому морю, так что местность вокруг дороги стала суровее.

Один из гельветских вождей, Гай Валерий Кабур, принял нас как гостей в городе Вьенна на реке Роне, где была первая настоящая остановка по эту сторону Альп. Он был выдающимся человеком в провинции и считался удачливым. Родился он просто Кабуром в те дни, когда дальний юг Галлии был уже покорен римлянами, но вряд ли окончательно. Кабур принял нашу цивилизацию легко и с удовольствием: он был одним из тех умных варваров, которых привлекает более высокая культура. Кроме того, его гельвии были небольшим племенем, и их постоянно притесняли соседи с севера и юга – могущественные арверны и честолюбивые аллоброги. Римляне завоевали аллоброгов, которые были препятствием для их планов соединить Италию сухопутной дорогой с римскими провинциями в Испании. Во время боев, результатом которых стало это завоевание, мы также сокрушили силу арвернов. В итоге Кабур и его гельвии, войдя в провинцию, оказались свободнее, чем раньше.

Защита от соседей компенсировала им потерю независимости.

Из этого не следует, что вся римская администрация нашей новой провинции Дальняя Галлия была идеальной. Были и хорошие, и плохие наместники, и, правду говоря, хаос в римской политике легче порождал очень плохих. Однако Кабур, который вынес самое худшее, все же оставался верен нам, хотя аллоброги за несколько лет до того поднимали восстание.

Кабур был вознагражден соответственно своим заслугам. Он взял себе в знак почета имя Гай Валерий, когда римский военачальник, которого так звали, предоставил ему звание римского гражданина, которое имели очень немногие галлы. Более того, военная добыча, которую он получил, сражаясь на стороне победителей, оказалась гораздо больше, чем то, что римские вымогатели выжали из него в виде налогов. Кроме своих больших гельвийских имений, Кабур теперь владел рядом крестьянских хозяйств в землях аллоброгов и построенным по-итальянски городским домом в городе Вьенне на Роне. В этом доме мы и находились, пока Цезарь совещался с вождями. Наш хозяин Кабур, хотя его племя по-прежнему было маленьким, был одним из первых людей провинции не только благодаря своему богатству, но также из-за дружбы с римлянами, которым он щедро оказывал гостеприимство во Вьенне.

Что касается внешности Кабура, он был высоким и худощавым человеком, довольно смуглым для галла. Получив римское гражданство, он остриг свои длинные волосы и укоротил усы, а в качестве компромисса отпустил бороду (в которой была уже видна проседь), примерно такую, как у греков, с которыми Кабур познакомился в их большой колонии в Марселе. Так, Кабур мог носить в своих имениях галльскую одежду, а тогу во Вьенне и выглядеть при этом естественно. Такой компромисс был типичен для тех, кто занимал такое же положение, как

он. Хотя сам Кабур не умел читать по-гречески, обоих своих сыновей он послал в школу в Марсель. Позже старший сын прожил год в Риме, и сам Кабур приезжал туда увидеться с ним. Цезарь и Кабур были уже хорошо знакомы.

Этот старший сын, Гай Валерий Процилл, был примерно того же возраста, что и я, и мы скоро стали близкими друзьями. Он был смуглым, как и его отец. С коротко остриженными волосами и бритым лицом его можно было бы принять за римлянина, если бы не светло-серые глаза и длинная узкая форма головы. Он говорил на трех языках, но предпочитал латынь; Вьенну любил больше, чем деревню, а римскую колонию Нарбонну – больше их обеих. Цезарь взял его к себе переводчиком, и поэтому Процилл постоянно был с нами. Младший сын, Думнотаур, едва вышел из детского возраста, и отец решил оставить его дома. Мальчик сердился из-за этого и на второй день после нашего приезда попросил разрешения поехать к родственникам на праздник весеннего равноденствия.

Было похоже, что эта просьба рассердила Кабура. Возможно, он предпочел бы поговорить с сыном наедине, но чувство собственного достоинства не позволило ему сказать об этом.

– Зачем тебе надо ехать к арвернам? – спросил он на латыни. – Разве ты не можешь зажечь магический огонь в наших имениях? Ты ведь знаешь: я не могу уехать из Вьенны.

– У арвернов есть священная гора, – хмуря брови, ответил Думнотаур.

– А какое отношение она имеет к равноденствию? Ты хочешь побывать в гостях у молодого Верцингеторикса – вот в чем дело. Рано или поздно этот Верцингеторикс устроит заговор, чтобы стать королем арвернов, как сделал когда-то его отец. Его казнят, как отца, и тебя, конечно, казнят вместе с ним, если не прекратишь упрямиться и будешь вести себя как сейчас.

– Верцингеторикс – прирожденный вождь. Он может добиться успеха, – вступился за брата Процилл.

Кабур раздраженно взмахнул рукой:

– Молодой Верцингеторикс отмечен смертью. Все старшие приставили к нему своих людей следить за ним. Он не доживет до старости. Зачем арвернам король? Если они хотят вернуть себе прежнюю славу, они устроят здесь такие неприятности, что римляне никогда этого не забудут. Разве Верцингеторикс может повернуть время назад только потому, что он великий охотник, щедро раздает дары и популярен у глупых молодых людей? Я думал, что хоть ты умнее, чем они.

– Может быть, дело в том, что мне все равно, кто правит арвернами: они не живут в провинции. Но я не думаю, что моему брату там может что-то повредить, – быстро произнес Процилл.

Кабур, уходя, ворчал на сыновей, но Думнотаур уехал. В те дни я очень хотел познавать неведомое, а вся Галлия была для меня чем-то новым и незнакомым. Поэтому я спросил Процилла, кто такой этот Верцингеторикс. Он рассмеялся и сказал:

– Длинноволосый вождь, наш родственник, и лет ему примерно столько же, сколько мне и тебе. Только и всего. Но Думнотаур считает его самым великим из живущих сейчас людей.

У меня не было времени долго размышлять над этой историей: Цезарь уезжал из дома Кабура со своей обычной бешеной скоростью, и мы побежали за своими вещами.

Город Женева расположен на берегу озера, которое называется тоже Женевским и из которого, в его восточном конце, вытекает река Рона. Это река с быстрым течением, глубокая и невероятно синяя. Я вспоминаю, что смотрел на то, как в Рону у самого ее истока вливается более мелкая речка с грязной, серой водой, в которую словно подмешали известь или мел, – такая вода течет в альпийских речках и ручьях. Эти две воды разного цвета текли рядом, почти не смешиваясь, пока не пропадали из виду за поворотом Роны. Я помню, что спрашивал себя, будет ли кровь в этой прозрачной синей воде течь также не смешиваясь.

Когда Цезарь прибыл на южный берег Роны, гелльветы все еще съезжались на противоположный берег. Всего их было, по их собственным подсчетам, триста шестьдесят восемь тысяч.

Вполне вероятно, что каждый вождь преувеличивал количество своих людей, и так же поступали в каждой деревне. Но как бы то ни было, это была огромная толпа. Ночью считать их костры можно было так же, как звезды на небе. Дневной шум их лагеря был непрерывным мощным гулом. Лагерь гельветов вовсе не был расположен строго напротив нашего; он находился ниже по берегу Женевского озера, и поэтому мычание быков, скрип телег, удары молота, крики детей и тысяча других звуков, приглушенных расстоянием, сливались в один невнятный рокот, который не умолкал, пока ночь не заставляла его утихнуть. У нас, римлян, был всего один легион, а если говорить точно – четыре с половиной тысячи человек. Еще к нам постепенно подтягивались отряды, в основном конные, дополнительно набранные в провинции.

Гельветы не торопились. Когда они обнаружили, что Цезарь среди нас, – а это было легко понять, увидев палатку командующего, услышав его трубы или увидев его ярко-красный плащ, – они прислали послов. Послы – два вождя с сопровождающими – медленно подошли к воде и сели в лодку. Тем из нас, кто не бывал раньше в Длинноволосой Галлии, облик этих людей представлялся роскошным, но в высшей степени странным и диким. У одного вождя одежда была красного, зеленого и золотистого цветов, у другого – всех цветов радуги. Оба носили на шеях ожерелья из скрученных листов золота, концы которых имели форму звериных голов с блестящими алыми глазами. Застежки их плащей были тоже из золота, а пряжки ремней, на которых висели их мечи, и длинные ножны были из бронзы и украшены очень странным выгравированным узором. Все это: большое оружие, мощное телосложение и длинные волосы, обработанные известью, – галлы иногда делают это, чтобы волосы стояли у них за спиной почти как лошадиная грива, – производило должное впечатление, и мы действительно смотрели на них с почтением и испугом. Их люди, стоявшие сзади них, были более грязными и дикими и, вероятно, были выбраны в охранники за свой рост: даже Цезарь, который был довольно высокого роста, казался рядом с ними коротышкой.

Цезарь встретил вождей перед своим лагерем на холме, с которого открывался вид на большой участок реки. На нашем берегу не было ни укреплений и ни одного защитника. Через Рону можно навести плавучий мост из лодок только на одном участке, длина которого примерно двадцать миль. Там низкие берега, и это просто сделать в любом месте. На всем остальном течении Роны Юрские горы подходят к самой воде и закрывают путь. Единственное, что Цезарь сделал до встречи с послами гельветов, – разрушил мост, расположенный возле Женева. Однако это не могло помешать гельветской толпе почти беспрепятственно пересечь реку там, где берега не охранялись.

Гельветы увидели все это – незащищенный берег, крошечный лагерь, всего один легион. Должно быть, уже первое впечатление подтвердило то, что им сообщали о нас, и они стали держаться еще заносчивей. Каждый из их вождей вышел вперед и произнес речь на странном грубом языке. Прочилл переводил их слова.

Суть их доводов была такова: они хотят покинуть свою страну потому, что она зажата горами и озером и их народ перерос ее размеры. Кроме того, признались вожди, германцы теснят их с северо-востока. По обоим этим причинам гельветы приняли решение переселиться и два года назад отправили посланцев во многие племена Галлии. Теперь они решили поселиться в Южной Галлии возле Атлантического океана и устья Гаронны. Чтобы сделать это, они должны покинуть свою теперешнюю территорию по единственной дороге, где могут пройти их повозки, – на Женеву и потом через Рону в провинцию. Они готовы дать клятву не грабить римские владения и дадут заложников. Цезарь же со своей стороны должен гарантировать, что они пройдут невредимыми.

Цезарь и думать не мог о том, чтобы позволить гельветам пройти через римские владения. Во-первых, удержать эту толпу от грабежа было так же невозможно, как перегородить плотиной море. Во-вторых, гельветы были не первым переселяющимся варварским народом, который видели римляне. Кимвры и тевтоны на пятьдесят лет раньше поступили так же, какое-

то время бродили по Галлии, делая вид, что собираются поселиться то там, то здесь, и наконец вторглись в провинцию. Они разбили в бою консулов, угрожали Италии, и Рим не забыл их. Цезарь не осмеливался впустить гельветов в Галлию. При той ненадежной политической обстановке, которая была тогда в Риме, это могло стоить трем правителям власти, а Цезарю – его территории.

Разумеется, Цезарь не открыл своих намерений. Сделай он это, гельветы сразу же стали бы штурмовать переправы и, вероятнее всего, захватили бы их. Он кивнул и, казалось, задумался. Как ему было известно, варвары вовсе не были готовы сразу двинуться в путь. Жители их самого дальнего кантона задержались и только теперь подъезжали к месту сбора, дым их деревень еще поднимался к небу. Гельветы были совсем не прочь подождать некоторое время, но хотели чувствовать себя в безопасности. И Цезарь с восхитительной небрежностью сказал послам, что желает обдумать это предложение, поэтому предлагает им прийти снова 9 апреля, когда и даст ответ.

После этого послы долго говорили оба сразу. Цезарь, казалось, чувствовал себя совершенно спокойно и непринужденно. Процилл ухитрился шептаться с кем-то и смеяться. Мы, все остальные, откровенно затаили дыхание: в эту минуту решалась судьба провинции, Цезаря и наша собственная. Цезарь хорошо продумал свое решение о дне новых переговоров: 9 апреля казалось разумным сроком. Эта дата была достаточно далекой, если учитывать, что вожди провинции не могли находиться ближе Вьенны, но и достаточно близкой, чтобы Цезарь почти не имел возможности вызвать подкрепление из провинции. Однако, думал Цезарь, этого времени хватит, чтобы перекрыть путь через реку.

Два вождя полностью попались в ловушку. Они церемонно простились с Цезарем, который проводил их до лодок, и уплыли к себе. Едва они ушли, Цезарь загрузил нас всех работой, не потратив зря ни одного часа и ни одного человека. Он вместе со своими инженерами прошел вдоль реки вверх и вниз по течению, отметил места, где утесы защищают берег, и решил, какие земляные работы будут нужны. Он даже успел назначить людей для укрепления переправ – на каждую переправу столько, сколько необходимо, и выдал еду тем из них, кто был направлен в самые дальние от лагеря места.

Наши люди трудились, пока не падали от усталости. К нашему величайшему счастью, на большей части этого участка длиной в двадцать миль берег был достаточно крутым, и для его охраны были нужны лишь конные дозоры – следить, чтобы какие-нибудь храбрецы из числа гельветов не попытались ночью взобраться на эти кручи и напасть сзади на наши укрепления. Переправы, где гельветы могли навести мосты для своих повозок, Цезарь надеялся удержать с помощью рва и прочно укрепленного вала высотой в шестнадцать футов. Он разместил свои катапульты так, чтобы обстреливать берег как можно плотнее, и при этом поставил в каждом укрепленном месте наименьшее число людей, которое осмеливался там держать, – все это с той целью, чтобы подкрепления свободно проходили во все места, где они могли понадобиться.

Галлы ничего не смыслят в сооружении укреплений – кроме тех случаев, когда переняли опыт у нас. Их воины считают ниже своего достоинства братья за лопату иначе как в крайнем случае. Поэтому гельветы держались на расстоянии, хотя должны были видеть часть того, что мы делали, и могли бы увидеть больше, если бы захотели. Девятого апреля их послы с высокомерным видом пришли принимать от нас заявление, что мы сдаемся. Получив вместо этого от Цезаря категорический отказ пропустить гельветов, они были разгневаны. Хотя Цезарь позволил им увидеть панораму наших укреплений, это их не встревожило и не напугало. Они посмеялись над тем, как нас мало, пригрозили, что возьмут силой то, что хотят, и вернулись к своему народу.

За этим последовала неделя бессонных ночей и отчаянной борьбы. Гельветы связывали лодки вместе, строили плоты, даже переходили реку вброд в одном или двух местах, где она широкая и мелкая. Они шли ночью, намереваясь действовать внезапно. Они шли днем. Они

пытались раздавить нас своим числом и одной своей яростью – напрасно. В Роне, наверно, было много крови, но я так ни разу и не увидел ее в воде. Мои глаза смотрели на непрекращающиеся атаки варваров. Кто-то из них бросал связку хвороста в наш ров, кто-то влезал на плечи товарищу, чтобы оттуда нанести удар своим длинным копьем, кто-то ставил лестницу на тела своих мертвых соплеменников. Но чаще всего было очень темно, и даже лил дождь. Факелы с шипением гасли. Время от времени наши солдаты поджигали шары из пропитанных жиром тряпок и сбрасывали их вниз. Стена из прижатых один к другому щитов вздрагивала, раздвигалась и пропускала горящий шар. Тогда наши люди начинали метать во врагов, которых смутно видели внизу, дротики или бросать камни. Щель расширялась до тех пор, пока варвары в панике не отступали; тогда они бежали к своим лодкам или пытались спастись вплавь, но тонули в темноте. Случалось и так, что какая-то группа гельветов добиралась до вала, а там каждый боец сражался на том небольшом – всего несколько ярдов – участке, который он мог видеть. Темнота до этого момента помогала нападавшим, теперь оказалось почти невозможным их товарищам видеть, что делали эти люди. Начинались яростные рукопашные схватки, в которых римлянин и галл вместе сваливались в ров под ноги бойцам, где упавших топтали, пока они не погибали, утонув в жидкой грязи. Каким-то образом вал всякий раз оказывался очищен от врагов, и мы побеждали варваров.

У каждого речного мыса в воде Роны лежали мертвые тела, прибитые туда волнами. Наши солдаты оставляли их там, за исключением тех случаев, когда запах трупа оскорблял солдатское обоняние или когда это было тело вождя, которое можно было ограбить. Но самое большее, что они делали, – сталкивали трупы в реку, где мертвецов принимал следующий мыс – нашего или гельветского берега, как получится. Гельветы же, у которых погибали родственники, ходили по берегам, отыскивая тела, а иногда решались переплыть на нашу сторону. Невнятный шум их голосов и жалобные вопли женщин звенели у нас в ушах.

В конце концов гельветы прекратили свои попытки. Целые сутки они не нападали на нас, и мы спали по очереди; времени для сна хватило всем. Их военные отряды отошли от берега обратно к лагерю возле озера. Галльские лазутчики Цезаря, которые торговали вполне свободно, принесли нам новость, что гельветы попросили у секванов разрешение пройти через Юру. Дорога, которая вела в ту сторону, была узкой, и ее легко можно было бы перекрыть. Но у гельветов среди секванов были друзья, заинтересованные в том, чтобы выпустить эту огромную толпу на земли эдуев, своих соседей и врагов.

Цезарь понял, что, хотя на какое-то время он спас провинцию от вторжения, войны в Галлии не избежать. Такое большое передвижение людей заставит племена вцепиться друг другу в глотки. Одни присоединятся к гельветам и увеличат собой движущуюся массу. Другие, у которых первые отнимут собственность или земли, будут искать удачу в другом месте. Рано или поздно провинция будет втянута в эту суматоху. Цезарь не собирался сидеть и ждать неприятностей. Он приказал набрать два легиона в своих владениях Ближней Галлии по другую сторону Альп, где у него уже были на зимних квартирах три легиона опытных солдат. Пока гельветы отправлялись в путь и потом медленно двигались по горной дороге через Юру, Цезарь поставил себе целью вернуться в Северную Италию так же быстро, как уехал, сделать там все необходимые приготовления и прийти обратно во главе своих пяти легионов. В Альпах на горных перевалах начал таять снег, и он мог воспользоваться более короткой дорогой. Его заместитель Лабиен, солдат, которым многие глубоко восхищались, но мало кто любил, должен был удерживать женевскую линию, если бы гельветы повернули назад и захотели пройти по своей первоначальной дороге.

Легионы Цезаря

Более чем за пятьдесят лет до этого времени впервые стало известно о том, что племена кимбров и тевтонов переселяются на новые места. Одни полагают, что их заставило двинуться на юг давление каких-то народов дальнего севера, другие говорят, что землетрясение и приливная волна razорили земли этих племен. Какова бы ни была причина, эти племена – мужчины, их жены, дети и скот – отправились бродить по свету. Они говорили, что ищут место, где бы поселиться, но жили грабежом, и это наглядно опровергало их слова. Римляне, которые с самого начала позаботились о том, чтобы отогнать их от своих границ, потерпели три поражения за шесть лет. Консул Маллий, собравший войска для четвертой попытки, был убит возле Араузио в Дальней Галлии и потерял восемьдесят тысяч человек. Ничто не мешало этому потоку варваров перелиться через Альпы. Рим охватила паника.

И Рим обратился к своему величайшему солдату, Гаю Марию. Но оказалось, что плохи были не столько полководцы, сколько армия. Римские солдаты, завоевавшие Италию, Карфаген и Грецию, были граждане, служившие за свой счет и со своим оружием. Однако чем дальше расширялись владения Рима, тем меньше было возможности отправлять солдат по домам. Стало нормой, что войны шли по несколько лет подряд. Была введена плата для солдат, но это плохо решало проблему: главной трудностью было то, что оставшиеся без присмотра крестьянские хозяйства постепенно разрушались. Вместе с ними разрушалась и мораль. Солдаты-крестьяне вообще не были воспитаны для воинской жизни и не обучены тому, как владеть оружием. Армии стали больше, маневры сложнее, и одного мужества уже было недостаточно даже в тех случаях, когда оно еще существовало.

Чтобы изменить создавшееся положение и предотвратить большую беду, Риму был нужен смелый, ничем не связанный человек. Таким и был Марий – гражданин простого происхождения, талантливый только в одном – в военном деле. Его выбрали консулом на пять лет подряд для набора и обучения армии, которая разбила бы варваров. И Марий разгромил кимбров и тевтонов в двух огромных битвах, одна из которых произошла в провинции, а вторая фактически на нашей стороне Альп – в Ближней Галлии.

Огромное облегчение испытал Рим, и велика была радость. Однако облегчение и радость прошли, а Гай Марий и его армия остались – две проблемы для государства, и обе нового рода. Эта армия, в отличие от старой, состояла из бедняков, безземельных крестьян, вторых сыновей

в семье и авантюристов. Эти люди пошли в солдаты частично ради платы, частично в надежде на военную добычу, но в основном потому, что Марий пообещал: каждый из них после того, как отслужит определенное число лет, получит от государства крестьянское хозяйство, куда сможет уйти со службы. Исполнения этого обещания они ждали от Мария и через его посредство – от государства. Так Марий возвестил нам о начале эпохи государственных переворотов, которые потрясают нас до сих пор. Другие быстро выучили этот урок. Каждая новая война, для которой оказывалась нужна новая армия, порождала своего полководца и свои требования. Государственные деятели вскоре поняли, что для того, чтобы приобрести власть в Риме, нужно сначала выиграть войну. И военачальники повернули свои армии друг против друга. Даже Цезарь во время кризиса в Галлии, скорее всего, думал не о гальетах, а о своем положении в Риме и о трех римских правителях. У Помпея была армия. У Красса было богатство. У Цезаря пока – только умная голова, а этого было недостаточно.

Личный интерес в этой войне был не только у Цезаря, но и у всех в его армии вплоть до самого последнего новобранца. Солдатами в наших легионах служили раньше и служат теперь римские граждане. В то время, когда право гражданства не распространялось так широко, как сейчас, поневоле получалось, что солдатами становились италийцы, обычно крестьяне. Такой крестьянин либо заложил свою землю ростовщику, а потом не смог выкупить и потерял, либо был из семьи, слишком большой, чтобы она могла прокормиться на одном крестьянском наделе, либо не ладил с соседями. В любом случае он не знал никакого ремесла, а черную работу, не требовавшую обучения, всюду делали рабы. У него оставались две возможности: или пойти легким путем, то есть перебраться в Рим и жить там побирушкой-прихлебателем за счет какой-нибудь шайки политиков, или записаться в армию. Во втором случае риск был больше, но перспективы лучше. Хороший солдат, если ему повезет, мог подняться до центуриона – командира сотни. Он мог надеяться, дожив до средних лет и уйдя со службы, иметь собственное крестьянское хозяйство, деньги для начала деревенской жизни и нескольких рабов. Он мог жениться, вполне мог получить государственную должность в каком-нибудь маленьком городке и хвалиться двадцатью годами славных воинских приключений. Сбудутся ли все эти мечты, зависело, во-первых, от того, будет ли победа, во-вторых, от его полководца.

Правду говоря, жизнь солдата-новичка была тяжелой. В новом двенадцатом легионе, который формировался в то время в Ближней Галлии, все центурионы были назначены на свои должности с повышением из более опытных легионеров и очень хорошо разбирались в оружии. Даже в лучшие времена центурион – что-то вроде грубого животного: ему приходится быть таким. Он носит при себе палку и не задумываясь ее применяет. А центурионы двенадцатого легиона особенно торопились. Им нужно было за несколько недель обтесать шесть тысяч человек, чтобы Цезарь мог взять их в Галлию вместе со старыми легионами. Я хорошо могу представить себе, как тяжело приходилось этим шести тысячам, хотя они были уже закаленные люди. Подбитые гвоздями армейские башмаки натирают на ногах волдыри, пока не станут мягче после долгих часов смазывания жиром. Кожаные латы трут непривычные тела, вызывая раздражение на коже. Мечи бьют по неловким ногам. Шлем становится тяжелым и горячим. Кожанный щит с металлическим ободом не только громоздкий – он, кажется, весит целую тонну. А центурионы пока не разрешают класть щиты на телеги. В каждом учебном походе солдат должен нести на себе полное снаряжение, в которое входят два тяжелых дротика, два крепежных кола, киркомотыга для рытья окопов и полный запас пищи на шестнадцать дней.

Новобранец должен научиться многому. Даже проработав всю свою жизнь на земле, он не знает, как надо копать по-настоящему. Увидев, с какой скоростью ветераны выбрасывают вверх вырытую землю, он замирает с разинутым от изумления ртом. На учебных занятиях он должен рубить и колоть мечом столб или метать дротики в кучу земли размером с человека. Он должен научиться выполнять маневры. В боевом порядке участок, на котором он должен сражаться, – шесть футов, не больше и не меньше. Входить в переднюю линию строя можно

только через разрыв в рядах. Не нарушая порядка, необходимо научиться ходить через скалы, низкие кусты или рвы. Поворачиваться и отступать надо в строю. Самое главное – он должен знать, где его место. В легионе шесть тысяч человек. Он делится на десять когорт, каждая когорты – на три манипулы, а манипула состоит из двух центурий по сто человек каждая, и во главе каждой стоит свой центурион. Все эти подразделения перенумерованы, и люди в центурии тоже имеют номера. От номера солдата зависит его конкретное место в бою, в походе, в лагере. Все лагеря, которые разбивает легион, совершенно одинаковы.

У двух новых легионов Цезаря было всего несколько недель на то, чтобы обучиться военному строю. Когда Цезарь прибыл в их лагерь и они неуклюже шли перед ним в парадном строю, он в это время произнес речь. Они приветствовали Цезаря с большим воодушевлением, но не потому, что он успел произвести на них впечатление как человек, а больше потому, что для каждого из них легион уже что-то значил. В жизни новобранца несколько недель – большой срок. Штандарт легиона – знак в форме орла, стоявший в центре лагеря, – уже занял то место, которое в их родных жилищах занимали боги – покровители дома. Орел был символом их совместной жизни, их связью с судьбой. Его присутствие означало, что у каждого солдата есть свое место и своя определенная часть общего дела.

Поэтому солдаты приветствовали Цезаря громкими криками, и крики стали еще более грозными, когда они узнали, что Цезарь приехал, чтобы вести их в Галлию. Однообразный распорядок лагерной жизни как раз становился привычным и скучным, поэтому они приветствовали перерыв в нем. Ворчанье и ругань центурионов по поводу того, как неаккуратно они снимаются с места, и жуткие предупреждения несколько не охладили их пыл. К ним присоединились некоторые из офицеров, и это тоже было чем-то новым. Военный трибун не вмешивается в работу центурионов того легиона, к которому прикреплен: центурионы знают свое дело, а офицер – всегда непрофессионал, назначенный командующим, к тому же обычно он бывает очень молод. Офицер руководит конницей или может командовать каким-то отрядом, но его приказы передаются через центурионов, которые их выполняют. Так же обстоит дело и с легатами. Легат, командующий легионом, старше и опытнее молодых офицеров, но боевые действия для него – перерыв в политической игре, как это было и для Цезаря. Прибытие офицеров, по сути дела, мало что меняло в жизни солдат. Просто вид белых офицерских плащей в лагере вызывал волнение.

Новые легионы под командой Цезаря, несомненно, начали путь в хорошем настроении, но в походе через альпийские перевалы оно продержалось недолго. Один из ветеранов двенадцатого легиона много лет спустя сказал мне, что из всех переходов, которые ему приходилось совершать за двадцать пять лет войны, этот поход был самым тяжелым. Цезарь назначил свои новые легионы охранять обоз, поставив два старых легиона впереди новичков и один сзади. Так у новобранцев появлялось преимущество: того, кто падал и не мог идти, подбирали и бросали на телегу. Цезарь спешил оказаться в Галлии, и темп, который он задал солдатам, был безжалостным. Центурионы никогда не проявляют ни капли сочувствия к тем, у кого воспалились ноги, или для кого слишком тяжел груз. Они просто заявляют, что их легион слишком хорош для слабаков, а тот, кого удары не могут поднять на ноги, пусть остается лежать. Местные жители обязательно его убьют, чтобы забрать снаряжение.

Но даже ходьба не была для новичков так тяжела, как окапывание на привале в конце дня, когда сильнейшая усталость превращала каждый камень в скалу, а каждый корень – в препятствие, которое злой дух специально протянул через твой окоп. Одиннадцатый и двенадцатый легионы успевали выполнить лишь треть работы, прежде чем темнело. Солдаты старых, уже подтянутых и отлаженных легионов к тому времени уже ухитрились разжечь костры, забрав для этого весь сухой кустарник, какой был под рукой, и жарили сухари на оливковом масле, пекли лепешки на камнях или помешивали овсяную кашу. Новичкам везло, если им удавалось смолоть свою пшеницу, а о том, чтобы приготовить из нее еду, не было и речи. Холодными

ночами они жались друг к другу, чтобы согреться. Их мулы – и те получали самый худший корм и не имели бы даже его, если бы Юлий Цезарь, которого новички видели редко, так как он ехал с десятым легионом, не появился однажды неожиданно в рядах своих новых солдат. После этого старые легионеры немного притихли, хотя никогда не объясняли, как именно Цезарь принудил их к дисциплине.

Именно на этих узких альпийских дорогах одиннадцатый и двенадцатый легионы впервые побывали в бою. Альпийские племена, жившие за счет поборов, которые собирали с торговцев, были в бешенстве от того, что Цезарь повел свою армию через их долины. Большую часть сражения принял на себя авангард – восьмой и десятый легионы; но когда Цезарь дал эти племенам более кровавый отпор, чем они ожидали, горцы поменяли тактику. Если они не могут остановить его армию, они, по крайней мере, могут пограбить ее. Даже оружие мертвого римского солдата – хорошая вещь, и его теплый коричневый плащ тоже чего-то стоит.

Вот тогда солдатам одиннадцатого и двенадцатого легионов пришлось понять, что они не знали даже азов своего дела. Упражнения на плацу – это хорошо, но оказалось, что они не имели никакого отношения к драке среди мулов и обозных телег в неудобном маленьком ущелье, где здоровенные варвары бросают в тебя камни размером с человеческую голову или огромные копья. Цезарю пришлось предпринять перестановку войск – отправить восьмой легион охранять обозы, а оба новых легиона провести вперед и поставить за десятым. При подобной расстановке новобранцы оказались перед глазами самого Цезаря, и он предусмотрительно поговорил с теми центурионами, которые хорошо себя проявили, обещая им повышение. Это заставило солдат одиннадцатого и двенадцатого легионов повеселеть, в особенности потому, что Цезарь не стал больше испытывать на прочность их мужество.

Тем временем уже наступил июнь. Гельветские полчища пересекли Юрские горы, прошли мощным потоком через земли секванов, а потом, как и следовало ожидать, начали грабить эдуев, да так, что сровняли их поля и деревни с землей. Цезаря встретили посланцы этого племени, а также племени аллоброгов, живших в основном в провинции, но имевших деревни и одиночные хозяйства и по другую сторону Роны. Эдуи уже несколько лет официально были союзниками римского народа и желали, чтобы наместник Рима в провинции защитил их. На этом основании Цезарь попросил у них продовольствие для своих войск и конницу, которую эдуи прислали ему под командованием вождя по имени Думнорикс. Уладив эти дела, Цезарь повел свои войска преследовать гельветов, которые в это время переправлялись через реку Сону.

Река Рона от своего истока возле Женевы течет на запад до города Лиона, который находится возле северной границы нашей территории. Но у Лиона она круто поворачивает на юг и течет к морю. На этом повороте с Роной сливается другая река, которая течет с севера и называется Сона. Она широка и течет так спокойно, что в некоторых местах трудно определить, в какую сторону движется вода. Однако Сона река глубокая, и гельветы, которых было триста тысяч человек с тягловым скотом, повозками и всем добром, переправлялись через нее уже три недели, а до конца переправы было еще далеко. Один из входивших в их племя родов, называвшийся тигурины и насчитывавший примерно шестьдесят пять тысяч человек, находился на нашем берегу реки. Цезарь направил восьмой, девятый и десятый легионы, застал врасплох тигуринов, которым мешали их громоздкие вещи, и разбил их наголову. Те, кто не был захвачен в плен или убит, бежали в леса. Несомненно, несколько беглецов каким-то образом смогли перебраться через Сону к своим сородичам. Но большинство, вероятно, были убиты галлами, оскорбленными за прежние обиды, или превращены в рабов, или же умерли от голода. Тем временем Цезарь снова собрал все свои легионы вместе и переправился через реку. На это у него ушло ровно двадцать четыре часа.

Тут гельветы в первый раз встревожились. Их испугало не собственное поражение, причиной которого они посчитали беспечность тигуринов, а быстрота передвижений Цезаря. Они

учли, что теперь у него под началом четыре старых легиона – примерно восемнадцать тысяч опытных солдат, и еще два новых легиона, и кроме того, шесть тысяч конников, набранных в провинции и у эдуев. Гельветы не могли себе представить, чтобы он мог быть серьезной угрозой для их войска, которое даже после разгрома тигуринов насчитывало около семидесяти пяти тысяч человек. Ни гельветы и вообще никто из галлов не понимал полностью, что сделал Марий, создав подобные римские легионы. Гельветы вспоминали о поражениях, которые кимвры и тевтоны нанесли римлянам много лет назад. Они думали и о той римской армии, которую их собственные отцы примерно за тридцать лет до этой переправы застали врасплах и вынудили сдаться. Тем не менее они понимали, что, даже если Цезарь недостаточно силен для заранее подготовленного боя на каком-то определенном участке берега, для них может оказаться разумнее договориться с ним. Ведь на глазах у вражеской армии было бы нелегко нарушать строй в походе, отставать от своих и грабить.

Поэтому гельветы, колебавшиеся между желанием бросить вызов и готовностью пойти на уступки, послали к Цезарю пожилого вождя по имени Дивико, который около тридцати лет назад командовал тем войском, что разбило римлян. Дивико предложил такой вариант: гельветы пойдут туда, куда укажет Цезарь, и мирно поселятся там. Но если римляне предпочитают сражаться, он, Дивико, обязан сказать им, что им повезет не больше, чем их предкам. Гельветы сохранили свою прежнюю доблесть и будут рады случаю испытать ее в бою.

Цезарь был возмущен и оскорблен. Хотя во многих отношениях он был незлобивым человеком, говорить с ним высокомерно не дозволялось никому. Пока Дивико говорил, Цезарь слушал его, почти не меняясь в лице, но тем не менее выглядел мрачно и угрожающе. Отвечая, он не церемонился. Поведение гельветов непростительно, и их наглость также. Но если они умерят свою дерзость, дадут ему заложников и возместят причиненный ими ущерб, он подумает об условиях мира.

Дивико задрожал от ярости еще до того, как перевод этого ответа был закончен. Цезарь постарался найти самые презрительные слова для описания действий гельветов. Конечно, Дивико ответил, что народ гельветов привык брать заложников, а не давать их. Теперь не могло быть и речи о каком-либо соглашении.

Уже на следующий день конница Цезаря потерпела поражение. Его конники почти все были галлами из провинции или из народа эдуев. Он не знал их языка, не имел среди них командира, которому мог бы доверять, не привык к их обычаям. Пока Цезарю оставалось только примириться с неизбежным, и он повел свои войска следом за гельветами, не вступая в бой и лишь не давая им уклоняться с пути или отставать от основной массы ради грабежа. Пятнадцать дней ждал он подходящего случая и решил, что дождался, когда противник остановился на привал у подножия холма. Цезарь предполагал окружить этот холм частью своих войск, чтобы потом атаковать не только спереди, но и сзади. И снова конница подвела его. Он поставил начальником своих дозоров римлянина, опытного офицера, которого лично не знал, но у которого была хорошая репутация. Этот человек, либо обманутый галлами, либо поддавшийся панике, доложил, будто гельветы заняли холм, а Лабиен, который был послан его захватить, этого не сделал. Цезарь снова сдержал свой гнев. По крайней мере, он начинал узнавать слабые места своей армии.

Был уже конец июня, и у Цезаря кончались запасы продовольствия. Он доставил зерно сплавом по Соне, но, поскольку гельветы все время непрерывно двигались на запад, этот груз оказался далеко позади него. Тем временем оказалось, что эдуи не прислали те запасы продовольствия, которые обещали поставить. Когда Цезарь упрекнул их, они туманно заговорили о неких лицах, которые своим влиянием разрушают все планы. Вскоре Цезарь обнаружил, что они намекали на Думнорикса, командующего кавалерией в его армии. Этот вождь имел жену-гельветку, тайно вошел в сговор с ее народом и предопределил недавнее поражение конницы тем, что первый подал пример бегства. Но, чтобы не оказаться в беде, Цезарь не мог прене-

брегать отношениями с местными политиками: брат Думнорикса был главным сторонником римлян в Галлии и другом Цезаря, поэтому наказать Думнорикса за предательство было бы невыгодно для дела. Цезарь решил лишь предупредить его и приставить к нему своих людей для наблюдения. Цезарь не сомневался, что только терпение позволит чему-то научиться, и поэтому ждал.

Но вот в деле с продовольствием ждать было нельзя. Всего в двух днях пути от римского лагеря находился эдуйский город Бибракт, и Цезарь решил на время оставить гельветов в покое, пойти туда и получить то, что было ему обещано. Поэтому, свернув лагерь, он повернул свою армию немного севернее и повел ее не параллельно пути гельветов, а немного иначе – на Бибракт.

Гельветы почти сразу узнали об этом от перебежчиков из конницы и почувствовали себя увереннее. Два раза Цезарь вел себя так, словно был готов напасть на них, но не сделал этого. Их недавняя победа была одержана на удивление легко. Они знали, что конница Цезаря служит ему не слишком верно, а два из его легионов мало обучены и поэтому почти бесполезны. Трудно было ожидать, что остальные восемнадцать тысяч его солдат победят семьдесят пять тысяч гельветских воинов. Но все же он со своей армией мешал им. Каждая гельветская семья, отправляясь в путь, взяла с собой еды на три месяца. Эти три месяца уже кончились, и большая часть их прошла на месте сбора или в пути через Юру, где не было возможности захватить добычу. А пока Цезарь шел за ними по пятам, они не осмеливались далеко расходиться для грабежа. По всем этим причинам гельветы начали думать о том, как бы заставить римлян сражаться. Когда они услышали, что Цезарь перестал их преследовать, некоторые из них решили, что он сделал это от страха, а другие заявили, что вот он, счастливый случай: загородив Цезарю его новую дорогу, они могут вынудить его сражаться и отогнать его от продовольствия, которое хранится в Бибракте.

В результате все согласились перейти к нападению, для которого гельветам оставалось только развернуть свои основные военные силы в нужную сторону, предоставив повозкам с женщинами, детьми и скотом догонять их так быстро, как они смогут, под охраной отряда, оставленного сзади. Поскольку теперь две армии двигались навстречу друг другу, а расстояние между ними было не очень велико, еще до полудня гельветские стрелки завязали бой со сторожевыми дозорами Цезаря.

Цезарь понял, что произошло, и, не теряя ни минуты, отвел свои войска на возвышенность, более благоприятную для его небольшой армии. Гора Армесий нависала над долиной, через которую, извиваясь, тек ручей. Гельветы провели предыдущую ночь у этого потока, а теперь возвращались по пологим холмам на северо-запад. Их повозки ехали в один ряд, который тянулся на много миль в длину, и становились, как обычно, в круг на маленьком пригорке. Дальние отряды, которые еще не добрались до места, быстро поднимались по склону, чтобы принять участие в бою.

Цезарь послал свою конницу сдерживать натиск противника, поставил обоз на вершине горы Армесий и приказал вспомогательным отрядам, а также одиннадцатому и двенадцатому легионам окопаться там. Хотя ему и было крайне необходимо увеличить число своих солдат, он собирался использовать эти части своей армии внутри укреплений как последнее средство. В строю остались только восемнадцать тысяч старослужащих солдат; от их стойкости целиком зависело его будущее и судьба их всех.

Цезарь плохо знал свои войска, а они плохо знали его. Он пробыл с ними всего чуть больше шести недель и в это время был занят тем, что наблюдал и учился. Как сказал однажды Помпей в минуту раздражения, искусством полководца нельзя овладеть за одну ночь. Офицерами Цезаря были люди из Рима, рекомендованные друзьями, которым он не мог отказать. Он еще не знал их способностей, и солдаты им пока не доверяли.

Цезарь выехал вперед и остановил коня перед рядами своих солдат. Он двигался без видимой спешки и выглядел бодро, почти весело – таким он всегда бывал в трудные минуты. Медленно и уверенно он сошел с коня и приказал офицерам сделать то же. Когда рядовые солдаты осознали, что, отсылая коня, Цезарь сам закрывает себе путь к быстрому отступлению и что офицеры следуют его примеру, они шумно приветствовали его. Потом он прошел вдоль рядов и отдал распоряжения.

Его четыре опытных легиона были выстроены по три линии, и каждая линия походила больше на колонну, чем на цепь, потому что состояла из восьми шеренг. Обращенную к противнику сторону боевого порядка каждого легиона образовывали около двухсот человек, находившихся на расстоянии шести футов один от другого; от соседнего легиона их отделял проход шириной примерно в двенадцать ярдов. Перед ними был склон, полого спускавшийся к реке, а за рекой – другой склон, поднимавшийся вверх. В долине между ними собирались, чтобы идти на приступ, гелльветы; на левом фланге были видны первые подъезжающие повозки, и воины дальних отрядов мчались на конях через пригорок, чтобы присоединиться к идущим в бой. Было час дня.

Мы стояли неподвижно и ждали, пока они подойдут. Их было, наверное, около пятидесяти тысяч, и мне было трудно не обращать внимания на тяжесть в области желудка. Они остановились, чтобы построиться в фаланги, и эта задержка показалась нам долгой. Галльские щиты плоские и овальные, а не изогнутые по форме тела, как наши, поэтому им легко смыкать их, накрывая один щит краем другого, соседнего. Галлы наступают единой плотной массой, надеясь одним своим весом разбить ряды противника, а потом легко перерезать его солдат. Словно живая стена, они начали надвигаться на нас.

Именно так шли они вперед, выкрикивая свой военный клич. Их ряды изгибались или колебались из стороны в сторону там, где встречали препятствия: то на пути вставала скала, то войско разделяло дерево, как зубцы гребня разделяют массу волос, но потом обе половины снова сливались в одно целое и продолжали надвигаться на нас; крик гелльветов становился все громче.

Когда расстояние между двумя армиями сократилось примерно до двадцати ярдов, правые руки римлян, стоящих в передних рядах, взметнулись вверх и одновременно кинули в воздух дротики, которые с шумом и треском врезались в галльскую фалангу. По ее рядам словно прошла волна: задние по-прежнему шли вперед и нажимали на передних, которые отшатнулись назад от нашего удара. Во многих случаях два или даже три щита были сколоты вместе. А римский дротик невозможно выдернуть, поскольку его древко делается так, что изгибается, попав в цель. Многие варвары после безуспешных попыток освободить свои щиты бросили их на землю. В этот момент полетела вторая туча дротиков, и когда они ударили по цели, послышались крики раненых. На этот раз фаланга окончательно остановилась на расстоянии примерно десяти ярдов от нас. Она была уже не стеной, а кучей людей, слишком тесно прижатых друг к другу, чтобы сражаться мечами.

Наши легионы вооружены короткими колющими мечами, с которыми воинам не нужно много места, чтобы размахнуться. Вскоре все восемь шеренг первого ряда римлян вступили в бой. Фаланга не раскололась на части, но качнулась назад. Мы сумели прорубить в гелльветской стене небольшие окна. Раненые римляне уползали с поля боя, пробираясь между ногами остальных воинов. Раненые галлы падали под ноги сражавшихся бойцов, и те топтали их тела. В некоторых местах в бой вступала вторая линия римлян. Битва, постепенно угасая, перемещалась вниз по склону горы. Повсюду раздавались крики и вопли, глухие удары мечей по дереву или коже и звонкие – по металлу.

Галлы не сломались, но медленно отступили вниз по горе Армесий, потом через маленькую долину и через речку на склон, который находился за ней. Тут римляне попытались перегруппироваться, но, пока они это делали, дальние отряды гелльветской путевой колонны, кото-

рые к тому времени все уже прибыли на место, вышли из-под прикрытия повозок и ударили по задним рядам римлян. Третья линия римского войска развернулась и в прекрасном порядке атаковала их.

Долгое время исход сражения был неясен. Солнце опускалось к горизонту на западе, и его лучи слепили глаза легионерам. На флангах образовались две отдельные массы сражающихся бойцов; одна из них едва заметно поднималась по склону, другая скатывалась вниз, в речку. По их движению можно было предположить, что римляне по-прежнему побеждают, но было ясно, что их ряды редеют. А кроме одиннадцатого и двенадцатого легионов, которые бессильно смотрели вперед, не способные помочь, резервов не было.

Час за часом тянулись невыносимо долго. В конце концов дальние отряды противника были загнаны обратно за речку, в то время как основные силы гельветов находились на склоне горы за полмили от этого места. Но все же варвары продолжали сражаться своим неуклюжим большим оружием, уступая нам место лишь потому, что не могли иначе, но ни разу не повернувшись спиной к рядам наших воинов. Римляне валились с ног от усталости в прямом смысле этих слов: выходили из строя и падали на землю в стороне, чтобы передохнуть. Две их линии, сражающиеся на горе, теперь перемешались настолько, что казались единой. И все-таки они каждый раз отбрасывали противника назад.

Был конец июля, один из самых длинных дней в году; но уже темнело, когда одиннадцатый и двенадцатый легионы наконец получили разрешение покинуть свое место и включиться в бой, который шел вокруг дальних гельветских отрядов и повозок. К этому времени основное сражение переместилось за низкую гору, и нам его уже не было видно. Когда римляне наконец закончили там бой, ни они, ни гельветы не были в состоянии вступить в сражение снова. Гельветы медленно и неохотно отступали, уже не бросая нам вызов, а в отчаянии покидая поле боя, свои дальние отряды, семьи и повозки.

Но не все повозки доехали до места боя. Дело тут было не столько в их огромном числе, сколько в осторожности людей. Когда самые дальние узнали, как идет бой, то повернули назад, и это спасло их. Основная масса повозок встала в круг вплотную одна к другой, и внутрь круга вошли остатки дальних отрядов, чтобы дать свой последний бой. Это была отчаянная схватка. Мужчины метали в нас копья с высоты повозок, используя их как крепостную стену. Женщины помогали им – одни сражались, другие подавали оружие. Даже дети, ползая под повозками, били и толкали наших солдат.

Наступила ночь. Римляне продолжали сражаться при свете факелов и старались поджечь повозки. В некоторых случаях им это удалось, но повозок – каждая из которых была крепостью – было так много, что наши солдаты не скоро прорвались внутрь круга. Тогда наступил действительно полный хаос. Крики женщин и детей смешались с мычанием быков. Горящие кое-где повозки освещали всю эту массу людей и животных. Вокруг тех повозок, где бой продолжался в темноте, все кружилось как в водовороте. Наши солдаты рубили наугад, едва различая, кто какого пола и возраста, и хорошо зная, что женщины и даже дети убивали их товарищей. Люди и быки лежали кучами друг на друге. Наконец утихла даже резня. Солдаты, вспотевшие так, что от них шел пар, стояли тяжело дыша и шатаясь от усталости, мрачно смотрели на учиненный ими разгром. Выжившие гельветы собирались в небольшие кучки перепуганных людей. Солдаты грабили немного и в основном брали мелкие предметы. Большинство римлян так обессилели, что даже не подумали о добыче. Бой закончился.

Галлы и германцы

Цезарь расположил свои войска лагерем возле Бибракта, главного города племени эдуев. Склон, на котором он поставил лагерь, когда-то служил пастбищем коровам и овцам: горожане выпускали туда свой скот пастись на прогалинах между густыми зарослями ежевики, которая скоро должна была созреть. Но во время своих земляных работ римляне перевернули лопатами весь дерн, их мулы и лошади конницы так перемесили своими копытами берег реки, что он превратился в сплошную грязь, а все колючие кусты, все равно, зеленые или нет, были вырваны с корнем и пошли на дрова. На той полосе пыльной пустынной земли, которая образовалась в результате между лагерем и рекой, началось настоящее столпотворение. Первыми появились торговцы и поставили свои ряды. Затем местные крестьяне и ремесленники, сказители, фокусники, нищие слетелись на берег из Бибракта на самую большую, шумную и длинную ярмарку, которая была когда-либо в этом городе. Римские солдаты до отказа нагроузились добычей, а хранить ее им было негде. Поэтому крупные вещи продавались за десятую часть своей настоящей цены либо обменивались на золото и серебро, из которых можно было выковать украшения. Многие отдавались в уплату за дешевые наслаждения. Не один раз целое небольшое состояние переходило из рук в руки в азартной игре, было истрачено на кувшин вина или беспечно отдано за пустяк или за своевременную услугу. Весь Бибракт толпился вокруг лагеря как муравейник, так что в конце концов Цезарь был вынужден поставить охрану на берегу реки, а должностные лица эдуев прислали своих личных слуг, вооруженных палками, чтобы держать эту толпу в границах допустимого. Таким образом удавалось держать свободной дорогу, которая вела к нашим главным воротам. Четыре конника в ряд могли подъехать по ней к лагерю с той стороны, где были брод, город Бибракт и палатки галлов в низине за рекой.

День за днем по этой дороге приезжали к нам вожди Длинноволосой Галлии во всем своем великолепии, под звон бронзовых и золотых украшений на поводьях коней. Золотые обручи были у них на шеях, золотые браслеты на руках. Их броши-застежки и рукояти их мечей были украшены алой эмалью. Они выглядели роскошно благодаря ярким краскам своих плащей и дико из-за длинных усов и волос, которые спускались до плеч и у некоторых были белыми и жесткими от мытья известью. С каждым вождем была свита, одетая в лохмотья, и певец, заучивший на память бесчисленное множество песен о его предках.

Так являлись вожди Длинноволосой Галлии в своей неукротенной гордости, чтобы приветствовать Цезаря. В это время общее государственное устройство их страны представляло

собой свободную федерацию независимых племен, каждое из которых можно было назвать свободной федерацией вождей. За одно или, может быть, два поколения до нас там были короли. Но к тому времени, о котором я пишу, власть знатных людей усилилась настолько, что они обходились без верховной власти – выбирали должностных лиц из своей среды, и каждый вождь называл себя свободным человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.